

М. В. ДЕГТЯРЕВА

*(Вятский государственный университет,
г. Киров, Россия)*

УДК 821.161.1-1(Блок А.)

ББК Ш33(2Рос=Рус)6-445

ГРАММАТИКА ПЕРЕХОДНОСТИ: КРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СУБСТАНТИВАТОВ В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ АЛЕКСАНДРА БЛОКА

Аннотация. В статье исследованы особенности функционирования субстантивированных прилагательных, причастий и признаков местоимений в поэтических текстах Александра Блока. Выполнено описание субстантивированных слов в аспекте понятия лексико-грамматического разряда: одушевлённые / неодушевлённые, личные / абстрактные / событийные – и морфологических категорий рода и числа имени существительного; проанализированы изобразительные возможности морфологической парадигмы субстантивированных слов и их синтаксические функции в поэтическом языке А. А. Блока. С опорой на «Словарь русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой автором статьи выявлены поэтические окказиональные субстантиваты; охарактеризованы креативные ресурсы личных, абстрактных и событийных авторских субстантивированных слов. В статье предпринята попытка раскрыть некоторые черты таких понятий, как поэтическое языковое сознание; константы личности поэта; языковое, уже – грамматическое, творчество; образность поэтического слова в аспекте новаторского и творчески целесообразного использования фрагментов и единиц языковой системы – потенциала частеречной природы слов, их словообразовательных моделей и синтаксических функций, контекстуального изменения лексического значения слова, новизны семантики метафорических и метонимических мотивированных слов и их сочетаемостных возможностей в языке поэтических произведений Александра Блока.

Ключевые слова: переходность частей речи, субстантивация, Александр Блок, окказиональные субстантивированные слова, семантика, синтагматика, креативный потенциал.

Отвечая на вопрос: «Возможно ли творчество языка... как системы и её отдельных фрагментов: лексических единиц, грамматических моделей и правил?», М. Н. Эпштейн подчёрки-

вает возможность «творчески-изобретательской деятельности» писателей и лингвистов не только в области лексики, но и в области грамматики [Эпштейн 2009: 31]. Впервые высказанная и развитая в работах Г.О. Винокура («Маяковский – новатор языка») идея сознательного грамматического творчества показала перспективы развития русского языка как цельной системы: 1) слова в отношении к морфологическому классу слов, 2) слова внутри морфологического класса слов, 3) слова в синтаксическом построении (у Винокура – «слова в фразе») – и обновления самых глубинных, грамматических, фрагментов языковой системы; изменения правил образования и употребления форм слов известных морфологических классов; перспектив появления новых морфологических классов слов [Винокур 1991]. Действительно, если поэтическое творчество, как писал Винокур в другой своей работе «Речевая практика футуристов», позволила «оценить самоё поэзию с точки зрения технических и практических возможностей, в ней потенциально заключённых» [Винокур, 2006: 235], то оно [поэтическое творчество] сквозь призму широких культурных и лингвистических задач, решаемых футуристами, позволило языковеду по-новому взглянуть на изобразительные и выразительные ресурсы разноуровневых средств системы языка, и в частности – грамматических.

В понимании Т. А. Гридиной, грамматический креатив воплощает «нереализованный потенциал грамматической системы в регистре намеренного отступления от канонических (нормативных) моделей слово- и формообразования и / или наполнения их новым содержанием» [Гридина 2017: 41]. Грамматический креатив, «лингво-арт», «грамм-арт», мы разделяем точку зрения М. Н. Эпштейна, творчески целесообразен тогда, когда становится не только фактом эстетики и поэтики, но, открывая скрытые ресурсы грамматики, обозначает перспективы грамматического развития и обновления языка. М.Н. Эпштейн настаивает на особой роли лингвиста, который «вслед за поэтом, творчески обновляющим речь, пытается творчески обновить сам язык»: показывает новые возможности грамматической системы, ищет «расширенную модель языка будущего» [Эпштейн 2009: 32]. И, конечно, лингвист предлагает новые подходы к исследованию

креативной реализации потенциала языковой системы, лексических и грамматических средств языка; ср., напр., понимание феномена **языковой игры** Т. А. Гридиной как особой формы лингвокреативного мышления, в основу которого положены «механизмы актуализации и ломки, переключения ассоциативных стереотипов восприятия, употребления и порождения словесных знаков» [Гридина 2017: 41].

Цель статьи – проанализировать явление переходности частей речи на примере субстантивации в поэтическом языке Александра Блока; охарактеризовать креативные ресурсы субстантиватов в аспекте понятия эмоционального и языкового сознания поэта и вопроса о изобразительно-выразительном потенциале единиц грамматического строя русского языка.

“Поэтическую вольность” в использовании известных грамматических форм, моделей и правил их употребления (разумеется – и лексических ресурсов языка) сам Блок в статье «О лирике» определил лаконичным лозунгом: *«Так я хочу!»* [Блок 2011: 77; курсив автора. – М.Д.]. В размышлениях об истинных поэтах и рабских подражателях он подчёркивал первичность личного творчества: «лирика есть «я»»; что касается творческой свободы поэта и, в частности – свободы и/ или **креативности** при выборе и использовании языкового средства, понимаемой нами как новаторство, созидательное, творческое начало, то они определяются, писал Блок, тем, насколько «богато и пышно его [поэта] восприятие» окружающего мира [Блок 2011: 77]. В этом смысле поэт Александр Блок – уникальное явление русской культуры и русской поэзии:

О, я хочу безумно жить:

*Всё **сущее** – увековечить,*

***Безличное** – вочеловечить,*

***Несбывшееся** – воплотить!* («О, я хочу безумно жить...»).

Грамматический механизм субстантивации мы понимаем традиционно как переход прилагательных, причастий и местоимений в морфологический класс существительных, сопровождаемый утратой грамматических категорий и форм морфологических классов слов, к которым они принадлежали, и развитием у них категорий и форм имени существительного.

Субстантивированные слова, конечно, явление достаточно распространённое в русском поэтическом языке, но анализ 593 поэтических текстов Блока позволил выявить 163 единицы (213 грамматических – родовых и числовых – форм), которые квалифицируются нами как субстантиваты, и утверждать: субстантивация является индивидуально-характеристической чертой поэтической грамматики Блока.

Работа со «Словарём русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой [МАС, 1981 – 1984] показала, что в поэтических текстах Блока употребляются общезыковые субстантиваты: богатый корпус родо-числовых форм существительных, называющих человека, и существительных абстрактной семантики – форм *ср.р.*; немногочисленная группа единиц с конкретным значением; напр.: *Право, я буду рад за вас,/ Так как – только влюблённый/ Имеет право на звание человека* («Когда вы стоите на моём пути...»); *В тех мечтаньях ночных я узнал/ Недалёкую с милой разлуку,/ И как будто во сне целовал/ Я горячую нежную руку...* («Накануне Иванова дня»); *Так! Погибайте! Что в вас толку?/ Пускай лишь раз, былым дыша,/ О вас поплачет втихомолку/ Шалунья девочка – душа* («Сусальный ангел»); *Прошлое страстно глядится в грядущее./ Нет настоящего. Жалкого – нет* («Художник») и др.

Доминируют, однако, в поэтическом языке Александра Блока не общезыковые, а авторские субстантиваты, воплощающие неповторимость и оригинальность образного мышления поэта; смелый творческий поиск новых, нетривиальных номинаций, отражающих авторский, блоковский, способ постижения мира, его отношение к происходящим событиям; безупречный вкус в оценке смысловых и эмоциональных, коннотативных оттенков окказионального субстантивированного слова. Нами квалифицированы как одушевлённые личные в форме мужского / женского рода или множественного числа 82 единицы; как неодушевлённые абстрактные в форме среднего рода (либо реже – лишь некоторые из них в контексте реализующие событийную семантику) – 31 единица.

Эрнст Кассирер, определяя «человека в терминах человеческой культуры», считал, что построение теории человека воз-

можно лишь в широком контексте форм его общественного существования: задолго до государства как продукта цивилизации язык, миф, религия, искусство позволили человеку понять «свои чувства, желания и мысли» [Кассирер 1991: 300]. Задачу познать природу самого таинственного и парадоксального “объекта” всех наук – *человека* – и облечь это понимание в художественную форму решал поэт Блок.

Анализ языкового материала показал, что среди окказиональных личных субстантивов доминируют формы женского рода, воплощающие блоковское понимание устройства мира и его связи с женским началом: образ Прекрасной Дамы, Закатной Таинственной Девы, Купины как символа Вечной Женственности и мистически-возвышенное чувство к ней в ранней лирике не противоречит образу реальной женщины и земной любви к ней в более поздних циклах «Снежная маска» (1907), «Фаина» (1906-1908), «Кармен» (1914); они воплощены в авторских субстантиватах: *златокудрая, недостижимая, нежная, незабвенная, непостижная, светлая, святая, синеокая, черноокая, ночная, певучая, тонкая, ясная, земная, страстная, коварная, лукавая, неверная* и др.; напр.: *Со мной всю жизнь – один Завет:/ Завет служенья **Непостижной*** («Безмолвный призрак в терему...»); *Не ты ль в моих мечтах, **певучая**, прошла/ Над берегом Невы и за чертой столицы?* («Не ты ль в моих мечтах, певучая, прошла...»); ***Неверная, лукавая,/ Коварная** – пляши!* («Гармоника, гармоника!...»); *Эта прядь – такая золотая/ Разве не от старого огня? – / **Страстная, безбожная, пустая,/ Незабвенная, прости меня!*** («Перед судом»); *«Я **неверную** встретил у входа...»* (название стихотворения). Окказиональные субстантиваты мужского рода несут печать образа блоковского лирического героя во власти его чувств к героине; ср.: *бессильный, бесстрастный, дальний, мятежный, немудрый, проклятый* (и *проклятой*) и др.: *Поглядите, вот **бессильный**,/ Не умевший жизнь спасти,/ И она, как дух могильный,/ Тяжко дремлет взаперти* («Поглядите, вот бессильный...»); *Нет имени тебе, мой **дальний*** («Нет имени тебе, мой дальний...»); *Никого ей не надо из **скромных**,/ Ей не ум и не глупость нужны,/ И не любит, на верное, **тёмных,/ Прислонённых**, как я, у стены...* («В беско-

нечной дали корридоров...»). Отличительными чертами стилистики стихотворений являются частотное функционирование личных субстантиватов мужского/ женского рода в роли обращения, формирующего диалогичный поэтический текст; употребление в небольшом фрагменте от 2 до 4 – 5 окказиональных форм; использование метонимических и реже метафорических мотивированных слов – окказиональных субстантиватов; употребление личных – общеязыковых и авторских – субстантиватов в сочетании с притяжательным местоимением *мой/ моя*.

Собирательный образ – «**мы**» – русского человека в водовороте войн и революций «*стихийного и грозного*» начала XX века, тему прошлого, настоящего и будущего русского народа транслируют формы множественного числа окказиональных личных субстантиватов: *бесприютные, забывшие, легковерные, мудрые, несуществующие, сгоревшие, скромные, смиренные, тёмные, усталые, утраченные, чиновные, нечиновные, чужие* и др., поддерживаемые и “обобщаемые” общеязыковым субстантиватом *все*; напр.: *Дождик стучался в окошко,/ Ветер в трубе завывал./ «Плохо теперь **бесприютным!**» – / Сказочник добрый сказал* («Вспомнил я старую сказку...»); «*Забывшие Тебя*» (название стихотворения); *Я вышел в ночь – узнать, понять/ Далёкий шорох, близкий ропот,/ **Несуществующих** принять...* («Я вышел в ночь – узнать, понять...»); *И все, как он, оскорблены/ В своих сердцах, в своих невучих./ И всем – священный меч войны/ Сверкает в неизбежных тучах* («В огне и холоде тревог...»). Художник, полагал П.Л. Лавров, это человек того же общества и не может не разделять его боль; если художник – *истинный человек*, то он воплотит в своих произведениях «слёзы и жажду своих братьев» [Лавров 1991: 328]. Такое представление о поэте и истинном человеке в полной мере относится к Александру Блоку.

Блок не мыслил себя вне контекста сложной эпохи: блоковский лирический герой, как и сам поэт, сопричастен всему – стихии русской революции, своему времени, будущему России, глубинам духа человека, где «идут ритмические колебания, подобные процессам, образующим горы, ветры, морские течения, растительный и животный мир» [Блок 2011: 176]. В поисках от-

ветов на вопросы поэту “узок” круг общеязыковых субстантиватов абстрактной и событийной семантики – он создаёт новые; ср.: *безличное, беспредельное, возможное, вольное, временное, высокое, доброе, жгучее, забытое, невозвратное, невозможное, немыслимое, ненавистное, несбывшееся, печальное, страстное, яркое* и др.; напр.: *Всё говорит о беспредельном, / Всё хочет нам помочь, / Как этот мир, лететь бесцельно / В сияющую ночь!* («Болотистым, пустынным лугом...»); *Забудь о времени, о прошлом / И в песнях свято лги о прошлом* («Повеселясь на буйном пире...»); «*Я вам поведал неземное...*» (название стихотворения) и др.

Обобщая сказанное, подчеркнём: творческий опыт создания субстантиватов обнаружил потенциал явления переходности частей речи в современном русском языке; если в эпитете «креативный» присутствует сема ‘праздничность, изобретательность, оригинальность’ [Демьянков 2009: 11], то ко всем поэтическим общеязыковым и окказиональным субстантиватам Александра Блока, на наш взгляд, могут быть отнесены эпитеты «творческий», «изысканный», «гуманный», «провидческий», а константами личности самого поэта являются «творец», «гуманист», «гражданин», «провидец».

ЛИТЕРАТУРА

- Блок А. А.* Избранные произведения. – Л., 1980.
- Блок А. А.* О назначении поэта. Стихия и культура. – М., 2011.
- Винокур Г. О.* О языке художественной литературы. – М., 1991.
- Винокур Г. О.* Культура языка. – М., 2006.
- Гридина Т. А.* Грамматический «креатив» в поэзии Игоря Северянина // Грамматические исследования поэтического текста: материалы международной научной конференции (7–10 сентября 2017 года, г. Петрозаводск). – Петрозаводск, 2017.
- Демьянков В.З.* Языковое творчество и речевая креативность // Язык как медиатор между знанием и искусством: Сборник докладов Международного научного семинара. – М., 2009.
- Кассирер Э.* Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры. Часть II: Человек и культура // Мир философии. Ч. 2. Человек. Общество, Культура. – М., 1991.

Лавров П. В. Три беседы о современном значении философии // Мир философии. Ч. 2. Человек. Общество, Культура. – М., 1991.

Словарь русского языка: В 4-х т.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1981 – 1984 (МАС).

Эпштейн М. Н. Грамматическое творчество в речи и языке: от аномалии к норме // Язык как медиатор между знанием и искусством: Сборник докладов Международного научного семинара. – М., 2009.

©Дегтярева М. В., 2018